

Глава 7. Ответный удар

— Неплохо, Чидань! Наконец-то ты в форме. Что, вернул свою душу, которую в посёлке Чжу оставил? — Ли Шу хлопнул Цзян Чжоу по плечу, но тот привычно уклонился, скривившись от брезгливости.

— Ты, блин, подбирай выражения. Когда это я душу терял? Я тебя и с закрытыми глазами сделаю!

— Ладно-ладно, молодой господин Цзян у нас самый крутой, — примирительно отозвался Ли Шу. Он не мог не заметить, что в начале семестра друг сам на себя не был похож, но спорить не стал.

После баскетбольного матча — на редкость удачного — Цзян Чжоу чувствовал себя превосходно. Каждая пора его тела словно дышала свежестью. Сияя от самодовольства, он крутил мяч на пальце, демонстрируя мастерство, и щегольской походкой направлялся к учебному корпусу.

— Я смотрю, твоя популярность снова подскочила, — Ли Шу задумчиво потер подбородок. — Стоило нам перейти в старшую школу, как количество фанаток утроилось. Но ты, Чидань, не расслабляйся, у тебя сейчас задачи поважнее.

Договорить он не успел — сзади их нагнал запыхавшийся Чжоу Сяодун.

— Вам что, трудно человека подождать? — возмутился он. — Оглохли совсем, сколько ни ори — ноль реакции.

Цзян Чжоу бесцеремонно выхватил из его рук бутылку «Спрайта».

— Я всё слышал. Это Ли Шу сказал тебя игнорировать.

Ли Шу с усмешкой потянулся было за «Колой», но Сяодун отвесил ему тумака:

— Сам себе покупай.

— Ну и ладно, медленный ты, как черепаха. Давайте к делу: мне тут уже несколько ребят из одиннадцатого класса писали. После той истории с Лао Юйтоу мы прославились, и теперь местным «звездам» это костью в горле. Хотят разобраться.

— В каком смысле «разобраться»? — Цзян Чжоу первым вошел в класс и уселся на свое место у окна, задвинув мяч под стол.

— В спортивном, — уточнил Ли Шу. — Товарищеский матч.

— Ну так выбери противника подстойнее, — Цзян Чжоу сделал глоток ледяной газировки.

— Тогда поставим их против класса Сюй Ийяна. У них уровень вроде приличный, — Ли Шу усмехнулся. — Этот Ийян на тебя уже давно зубы точит. Всё боится, что ты подвинешь его с места «короля» школы.

— Дебил, — Цзян Чжоу пожал плечами. — Заняться ему нечем.

— С Сюй Ийяном лучше не связываться, ищите других, — внезапно вмешался Чжоу Сяодун.

— Это еще почему?

— Жижи его просто терпеть не может, — вставил Ли Шу.

Сяодун покачал головой:

— Да нет... Просто он играет грязно. Боюсь, травмирует вас.

— Плевать. Самое время поставить этого выскочку на место! — Цзян Чжоу попытался сунуть бутылку в парту, но та уперлась во что-то твердое. Он заглянул внутрь и одну за другой вытащил на свет штук десять разноцветных банок и бутылок. — Это еще... кто накупил?

Пока школьная жизнь Цзян Чжоу была ключом, Цзян Си в своей средней школе с первых же дней чувствовал себя совершенно подавленным.

Сюн Ци и Ван Жунжун оказались с ним в одном классе.

Жунжун несколько дней подряд упорно пыталась заговорить с Цзян Си, чем в итоге окончательно вывела из себя толстяка Сюн Ци. Этот недалекий парень, у которого с годами прибавлялось лишь веса, но никак не ума, по-прежнему свято верил, что Цзян Си пытается увести у него девочку.

— Если бы ты к ней не лез, она бы точно согласилась пойти со мной на дополнительные занятия в эти выходные! — Сюн Ци с силой толкнул его, впечатывая в стену. — Цзян Си, я тебя предупреждал: не смей вставать между нами!

— Я не... не наговаривал, — он почувствовал тупую боль в затылке. — Ваши отношения... в этом

не нуждаются.

— Ты еще и огрызаешься? Ах ты, заика паршивый!

Сюн Ци с силой ударил его жирным кулаком в живот. У Цзян Си перехватило дыхание, он невольно согнулся пополам, а рюкзак выскользнул из рук на пол.

— Ну что, вставай! Ты же у нас такой смелый, говори давай! Ой, а где же твой защитник, твой Брат Цзян? Что-то его не видно. Нахвтался у него верхушек, а теперь смелый стал? Ну и где он, почему не бежит тебя спасать? — Сюн Ци, вспомнив заносчивость Цзян Чжоу в ту памятную ночь, разозлился еще сильнее и несколько раз пнул мальчика. — Слышал поговорку: «лиса пользуется могуществом тигра»? Вот и ты, вонючая лиса, возомнил о себе невесть что, прикрываясь чужим авторитетом! Запомни, Цзян Си: вы с ним из разных миров. Сколько ни подлизывайся к нему — толку не будет!

Цзян Си не спорил. Эти слова, какими бы злыми они ни были, били в цель — он и сам думал точно так же.

Только в одном Сюн Ци ошибался: Цзян Си никогда не пытался «подлизываться». Он просто считал Цзян Чжоу замечательным человеком и считал огромной удачей, что встретил его.

Но такому крестину, как Сюн Ци, этого не понять.

— Да и этот твой Брат Цзян — тот еще фрукт. Ходит, задрал нос к небу, думает, что круче всех. Тьфу, смотреть противно, просто тошнит от...

Он не успел договорить. Тихий, словно тень, Цзян Си внезапно вскочил и со всей силы съездил Сюн Ци по лицу.

Толстяк рухнул на землю. Боль была не такой сильной, как изумление.

Это был первый раз, когда Цзян Си сопротивлялся. Первый раз, когда он смотрел на него таким свирепым взглядом. Мальчик выговорил, чеканя каждое слово:

— Не смей... говорить о нём. Ты... не достоин.

Сюн Ци пребывал в ступоре секунд десять, пока вид алой крови, капающей из носа, не вернул его в реальность. Он вытер лицо рукой и, взревев от ярости, вскочил на ноги...

Это была самая тяжелая драка в жизни Цзян Си, вернее, самое тяжелое избиение.

Раньше Сюн Ци, боясь огласки, старался не трогать лицо, но теперь ему было плевать. У Цзян Си текла кровь из носа, переносица дико болела, а губа распухла.

И всё же на душе у него было легко. Впервые он не просто стоял и терпел — он ударил в ответ. Пусть он не нанес врагу большого урона, но он хотя бы попытался.

Сюн Ци и дальше будет искать повода поиздеваться над ним, но Цзян Си знал: этот трусливый «тигр» больше не посмеет произнести имя Цзян Чжоу. Побойтся.

Когда он вернулся к младшему дяде, оба двоюродных брата сидели на диване перед телевизором. Разбитое лицо Цзян Си удостоилось лишь равнодушного взгляда младшей тётки. Она продолжала чистить овощи, бросив сыновьям:

— Еще двадцать минут, и за стол!

Цзян Си ушел к себе — в темную кладовку без окон, забитую лишними одеялами, мешками с рисом и покрытым пылью хламом.

Достав антисептик, он привычно принялся обрабатывать раны. За годы побоев он и сам стал своего рода «маленьким доктором».

Смазывая ссадины, он прикидывал, через сколько дней сойдут отеки.

«Этот день стоит того, чтобы его запомнить», — подумал он.

Он вытащил из-под кровати свой дневник в зеленом переплете. Чистая страница ждала рассказа о его «подвиге».

Но карандаш замер над бумагой. Как об этом писать? Сразился с хулиганом и в итоге сам оказался избит — звучит довольно уныло. Вся история укладывается в одну короткую фразу.

Цзян Си вздохнул и на первой же строчке вывел:

«Сегодня ничего не произошло».

Спрятав дневник под подушку, он вдруг понял: чего-то не хватает. Осмотрев свои скромные пожитки, он глубоко вдохнул и вышел из комнаты.

Тетя и братья уже ужинали, не отрывая глаз от экрана телевизора.

Цзян Си подошел и заслонил собой экран.

— Мои конфеты, шоколад и три тома манги. Они пропали.

Цзян Чжоу был человеком слова: вскоре после отъезда он прислал Цзян Си огромную коробку комиксов, забив все пустоты сладостями.

Когда Цзян Си раскладывал книги, конфеты ровным слоем покрывали дно его ящика. Теперь там было пусто.

— А мне-то что? — старший брат грубо отпихнул его в сторону.

Цзян Си на миг оробел. В этом доме его голос никогда ничего не значил. Плевать, если бы они взяли что-то другое, но это... это прислал Цзян Чжоу.

Цзян Си набрался смелости:

— Это мои вещи. Вы не имели права их брать. Верните сейчас же.

Второй брат хмыкнул, а младшая тётя даже не повела бровью, продолжая невозмутимо жевать.

Цзян Си прикусил губу. Сделав шаг вперед, он снова встал перед старшим братом:

— Не хочешь по-хорошему? Тогда слушай. — Он легонько пнул брата по новой кроссовке. — Я знаю, откуда они взялись. Мне рассказать?

Старший брат округлил глаза, и они стали похожи на медные монеты:

— Ты что за бред несешь?!

Цзян Си сглотнул:

— Я просто хочу вернуть свое.

Старший брат воровато покосился на мать. Деньги на кроссовки он украл из дома, и мать пока об этом не знала. Откуда этот чертов заика пронюхал?!

Старшему брату в этом году исполнилось шестнадцать — столько же, сколько Цзян Чжоу. Но, пожалуй, кроме возраста, у них не было ничего общего.

Угроза подействовала. Он толкнул младшего в плечо:

— Да отдай ты ему это барахло!

— Брат! — возмутился тот.

— Быстро, я сказал!

Младший брат, учившийся в восьмом классе, что-то злобно буркнул, вытащил из кармана смятый в трубочку том манги и швырнул его на пол:

— На, подавись своим старьем! Как будто нам это нужно!

— Остальное тоже неси, — приказал старший.

Младший, кипя от злости, ушел в комнату и вскоре вернулся.

Обложки были измяты, лица героев перекосились. У Цзян Си защемило сердце. Он бережно подобрал книги, разглаживая их ладонью.

— На, забирай всё! Тошно смотреть, даже поесть спокойно не дашь, — младший швырнул оставшиеся два тома. — Катись в свою нору со своими бумажками!

Цзян Си прижал книги к груди.

— Конфеты можете оставить себе. Но впредь... прошу, не трогайте мои вещи.

Он уже собирался уходить, когда об пол у его ног со звоном ударились палочки для еды.

Младшая тётя холодно усмехнулась:

— Твои вещи? Ты глаза-то разуй. Посмотри вокруг: в этом доме нет ни единой вещи, которая была бы твоей.

Он снова почувствовал жгучую боль в ссадинах на лице и теле. Цзян Си посмотрел на эту женщину с застывшим, каменным лицом. Интересно, когда это началось? Младшая тётя словно заразилась этой общей злобой.

Он помнил, что вначале она была другой. Да, ворчливой и мелочной, но она хотя бы говорила с ним. Она без конца поучала его, устанавливая правила: мыть посуду сразу после еды, ставить обувь в ровный ряд, вставать раньше всех...

Теперь Цзян Си выучил все правила, а рот тети словно запечатали. Она почти не говорила с ним, а если и открывала рот, то лишь для того, чтобы вонзить в него очередной ледяной клинок.

Цзян Си чувствовал, что должен как-то ответить. Сказать что-то резкое, показать свой характер, заявить, что он не заслуживает такого обращения. Разве он виноват, что родителей нет рядом? Что бабушка серьезно больна? Что у дяди с тетей в семье разлад?

Почему вся их злоба, вся желчь, накопленная от собственной никчемности, изливается именно на него?

Накатило тяжелое чувство усталости. Споры сейчас ничего не решат. Их холодное безразличие не сделает их жизнь лучше.

Его вещи принадлежат ему, и неважно, признают они это или нет.

Прижимая к себе книги, Цзян Си медленно побрел в свою кладовку. Нужно было делать уроки.

<http://bllate.org/book/17532/1701113>